

Укажу еще на книгу Женеьевы Фостер об Августе¹. Она написана в полубеллетристическом, полнаучно-популярном стиле и должна, по замыслу автора; дать картину всего человечества в период от смерти Цезаря до смерти Августа. Попутно описываются разные замечательные лица, жившие и раньше. Книга разбита на множество маленьких главок-рассказиков с «завлекательными названиями», например — «Под счастливой звездой» — визит Октавия и Агриппы к астрологу в Аполлонии; или «Кровавые отпечатки пальцев» — проскрипции триумвиров и т. д. Наибольшее внимание уделено «романическим историям» — романам Цезаря и Клеопатры, Антония и Клеопатры, Антония и Октавии, Ирода и Мариамны, а также гороскопам, друидам, Конфуцию, Будде, Митре, Эхнатону и т. п. Объяснения событиям даны соответственные: Цезарь решил стать монархом, чтобы понравиться Клеопатре; Антоний взял себе Восток и отдал Октавиану Запад, чтобы отдохнуть от Фульвии, и т. п. Книга снабжена многочисленными иллюстрациями, исполненными самой Ж. Фостер. Брут нарисован с кинжалом, Вергилий — в задумчивости над «Энеидой», грызущий стилос; триумвиры — в шлемах, пишущие за круглым столиком; Юлия и Друз — в детстве с куклой и лошадкой; Страбон — на верблюде и т. д. Книга эта интересна только как образец того, как препарируется история для американца.

Обзор этих нескольких книг, посвященных Цицерону и Цезарю, показывает нам, что древняя история сейчас, как и прежде, остается неизменным арсеналом, из которого заимствуют свое оружие представители самых различных течений и направлений. Чем острее становится борьба, тем с большей страстью обсуждаются проблемы античности и с тем большим пристрастием рисуются портреты античных деятелей, поскольку в них пытаются видеть прообразы проблем и деятелей современности. «Демократы» превозносят «парламентария» Цицерона; «завоеватели» — Цезаря; те и другие — «усмирители черни» всех категорий. Все меньше считаются они с источниками, все менее утруждают себя серьезным, кропотливым историческим исследованием, замечая факты «чувствами» и анализ — политическими страстями. В поисках дешевой сенсации и эффекта они отказываются от выяснения положения широких масс и их роли в событиях, от характеристики, социальной и экономической, того периода, о котором они пишут.

Е. М. Штаерман

Е. BAUMGERTEL. *The Cultures of Prehistoric Egypte*, L., Oxf., Univ. Press., 1947, XI+122 стр.

Рецензируемая книга «Культуры доисторического Египта» принадлежит перу известного специалиста в области истории первобытного Египта. Первые работы Э. Баумгертель были опубликованы более 30 лет назад, а в течение последнего десятилетия она работала в лондонском университетском музее, где сосредоточена большая часть материалов, добытых раскопками в первобытных поселениях и некрополях Египта за последние 50 лет, в том числе и многие еще не опубликованные. Результатом анализа этих материалов, а также материалов оксфордского Ashmolean-Museum и является рецензируемый труд.

В начале книги автор пишет: «... я попытаюсь теперь описать факты и даже сделать некоторые выводы, прилагая все усилия, чтобы воздержаться от любой новой гипотезы, не основанной на фактах, чтобы не сказать ничего, им противоречащего» (стр. 18). Однако, как будет показано ниже, автору не удалось выполнить свои обещания: выводы рецензируемого труда еще менее убедительны, чем те гипотезы, против которых восстает автор. Во всей работе серьезного внимания заслуживает только

¹ G. Foster, *Augustus Caesar's world. A study of ideas and events from 44 b. C. to 14 a. d.*, New York, 1947.

критика теории «додинастического объединения». В целом же книга Баумгертель типична для современной буржуазной историографии: ее примитивная методология, легковесность суждений и фантастические построения характерны, например, и для книги Мерсера¹, и для статей Э. Кантор². Несмотря на то, что по вопросу о додинастическом объединении Египта первый является противником Баумгертель, а вторая — ее единомышленницей, все три автора в равной мере являются сторонниками миграционизма.

Книга Баумгертель состоит из двух частей, которым предпослано обширное «Введение». Никакого заключения, однако, в конце книги нет, она обрывается главой, посвященной частному вопросу (каменным сосудам), и остается без какого-либо общего вывода. Объясняется это, по словам автора, «критическими обстоятельствами военного времени» (стр. 52). Первая часть книги посвящена характеристике этапов развития первобытного Египта и вопросу о происхождении египетской цивилизации. Примыкая к точке зрения самых крайних миграционистов, Баумгертель приходит к выводу, что возникновение египетской цивилизации явилось результатом проникновения в долину Нила какого-то азиатского «народа». Вторая часть книги посвящена вопросу о «прародине» этого «народа».

Положительное значение имеет только та часть книги, которая посвящена критике гипотезы о так называемом додинастическом объединении Египта. Эта гипотеза, выдвинутая Зете в 1930 г. только в порядке предположения, вошла во все новейшие буржуазные работы по истории Египта уже в качестве непреложной истины. Между тем аргументация Зете крайне слаба, и сам он в предисловии к своей работе, посвященной этой проблеме, писал, что созданная им схема древнейшей истории Египта является только «картиной, основанной на личных представлениях»³.

Автор рецензируемой книги убедительно показывает, что теория додинастического объединения основана только на чисто умозрительных построениях и ни одним твердо доказанным фактом не подтверждается. Баумгертель прежде всего выступает против общепринятой точки зрения о приоритете Дельты в историческом развитии Египта, указывая, что до сих пор в Дельте не обнаружено ни одного додинастического поселения, которое по своему развитию стояло бы выше, чем поселения Верхнего Египта времени Негады II. Этот аргумент Баумгертель пытается подкрепить и собственными заключениями по вопросу о датировке культуры Фаюма и Меримде (эти соображения будут рассмотрены ниже). Далее Баумгертель приводит ряд доказательств в пользу своего взгляда, что в период до Негады II Дельта не могла быть обитаема. Особенно убедительно звучат ссылки автора на тексты Древнего царства, в которых Дельта еще и в это время рассматривается только как место для пастбищ среди пустынных болот; на это же указывают и слова Геродота: «В его [Менеса] время весь Египет, за исключением Фиванской области, представлял болото, и на всем пространстве ниже Меридова озера не было свободного от воды пункта...» (II, 4). Весьма убедительно опровергает автор утверждение К. Зете о «политическом преобладании» Гелиополя: она указывает, что, во-первых, нет никаких исторических данных о том, что Гелиополь когда-либо был политическим центром Египта, и, что, во-вторых, эта теория базируется на опровергнутой ныне трудами Нейгебауэра (и, нужно добавить, Н. А. Шолпо⁴) теории возникновения софического календаря в V тысячелетии до н. э. на широте Гелиополя. Кроме того, Баумгертель указывает, что археологические раскопки на месте Гелиополя не дали никаких доказательств его существования в период до III династии (стр. 9). Эта критика почти общепринятой в буржуазной науке теории «додинастического объединения» Египта имеет важное значение, хотя надо

¹ S. Mercer, *Horus, Royal God of Egypt*, Grafton, Mass., 1946.

² JNES, I, 1942, № 1; III, 1944, № 2.

³ K. Sethe, *Urgeschichte und älteste Religion der Aegypter*, Lpz., 1930, § 3.

⁴ Н. А. Шолпо, О времени «введения» календаря в древнем Египте, ВДИ, 1939, № 1, стр. 52—58.

отметить, что Баумгертель далеко не исчерпала всей возможной аргументации против этой фантастической теории. В небольшой рецензии нельзя, разумеется, достаточно подробно остановиться на этом вопросе, однако следует указать хотя бы на некоторые дополнительные аргументы против теории «додинастического объединения». Сторонники этой теории исходят из предположения, что в Египте уже задолго до I династии могло существовать государство со столицей в Гелиополе. Однако в советской историографии совершенно определенно доказано, что возникновение государства в Египте невозможно датировать временем более ранним, чем период I династии и двух-трех ближайших ее предшественников (около 3200 г. до н. э.)¹. Баумгертель, которая сама считает, что уже в период Негады II в Египте существовала монархия, разумеется, не могла дать критики этой стороны теории «додинастического объединения».

Далее можно указать, что не выдерживает критики и еще один из важнейших аргументов теории «додинастического объединения». К. Зете и его последователи предполагают, что так называемый «дуализм» в системе египетского государственного управления² мог возникнуть только в результате распада на два самостоятельных государства того объединенного египетского государства, которое якобы существовало еще в «додинастический» период. Действительно, такой «дуализм» мог возникнуть только в результате распада объединенного египетского государства и последовавшего затем нового его объединения; однако вовсе не следует относить эти события в «додинастический» период, когда, как указано выше, вообще еще не было никакого государства. Гораздо проще предположить, что этот распад и новое объединение имели место во времена I—II династий, в надписях которых действительно неоднократно упоминается о вновь и вновь возобновлявшейся борьбе за объединение Нижнего и Верхнего Египта в одно государство³.

В пользу этого предположения говорит и факт отсутствия данных о «дуализме» в государственном аппарате в начале I династии: например, ведомства «Белый дом» и «Красный дом» впервые упоминаются только в надписях середины I династии⁴. Отсутствие упоминаний об этих ведомствах в надписях царей Аха, Джера и Джета ни в коем случае нельзя объяснить только случайностью (ВДИ, 1947, № 1, стр. 242). Таким образом, надписи свидетельствуют о том, что так называемый «дуализм» государственного аппарата начинает формироваться только в период I династии и, следовательно, он никак не может восходить к периоду гипотетического объединения в «додинастический» период.

В общем отдельные положительные черты работы Баумгертель совершенно заслоняются множеством необоснованных гипотез. Согласно концепции Баумгертель, вся история первобытного Египта представляет собой непрерывную цепь иноземных вторжений.

¹ См. акад. В. В. Струве, История древнего Востока, 1941, стр. 136; Н. М. Поставская, Начальная стадия развития государственного аппарата в древнем Египте, ВДИ, 1947, № 1, стр. 233—249; проф. В. И. Авдиев, История древнего Востока, 1948, стр. 151—152.

² Этот «дуализм» выражается в существовании в период Древнего царства ряда параллельных учреждений для Нижнего и Верхнего Египта: двух сокровищниц, двух земельных управлений и некоторых других (см. А. Егман и Н. Ранке, *Aegypten und aegyptisches Leben*, 1923, стр. 94).

³ Как известно, фараон Нармер был первым документально засвидетельствованным объединителем Египта, однако в надписях царя Аха опять идет речь об объединении; о борьбе Юга с Севером и новом объединении страны говорят и надписи II династии. Таким образом, за этот период Египет несколько раз объединялся и вновь распадался на два государства — Нижнего и Верхнего Египта.

⁴ В надписях царей Дена (Уджи-му) и Анджиба (RT, I, печати №№ 35 и 68). При этом следует отметить, что в одной из надписей Дена говорится о «Восточном Белом доме» (RT, I, печать № 35).

Приверженность автора к миграционной теории в ее наиболее крайнем выражении является естественным следствием ее чрезвычайно примитивной методологии. Баумгертель становится в тупик всякий раз, когда перед ней встает вопрос о причинах изменений в материальной и духовной жизни общества. Пытаясь ответить на эти вопросы, она прибегает к теории толчка извне, к теории привнесения новых элементов культуры со стороны. «Толчком» (*impetus*) объясняет Баумгертель переход от культуры Негады I к культуре Негады II, «толчком» же объясняется и быстрота развития египетской цивилизации в период первых династий (стр. 2). Баумгертель ищет миграций повсюду и видит в них единственную движущую силу исторического процесса. Каждый новый этап в развитии первобытного Египта и всякое изменение в технике автор пытается объяснить вторжением «свежих групп населения» (стр. 24). При этом она совершенно не задумывается над естественным вопросом о том, откуда же взялись новые технические достижения у племен, якобы вторгавшихся в долину Нила.

Не отрицая возможности самого факта миграций первобытных племен, следует все же со всей силой подчеркнуть, что движущей силой исторического процесса является, разумеется, не миграция, а развитие производительных сил.

Утверждая, что «... предки династических египтян не были потомками палеолитических или мезолитических обитателей Египта, но пришли извне» (стр. 52), автор пытается подкрепить это положение ссылкой на различие в технике обработки кремня, характерной для каждой из этих культур: в то время как для палеолитических обитателей Северной Африки характерна техника выработки орудий из отщепов, в период неолита в Египте господствует техника двусторонней оббивки (стр. 19, 38, 49, 52). Как и все последователи культурно-исторической школы, Баумгертель считает, что та или иная техника обработки материалов, та или иная форма утвари и т. д. являются этническими особенностями. Разумеется, это наблюдение, даже если бы оно и было верно, не может служить доказательством положений автора, так как абсолютно ясно, что население долины Нила не только могло, но и должно было без какой-либо миграции перейти к новой технике обработки кремня.

Исходя из этого совершенно несостоятельного аргумента, автор считает, что создатели культуры Негады I пришли в долину Нила с юга, но при этом утверждает также, что они находились под сильным азиатским влиянием, так как-де они расписывали свою керамику, а это «азиатская практика» (стр. 49). Появлением скотоводства создатели Негады I, по мнению автора, также были обязаны этому «азиатскому влиянию» (стр. 50). Не говоря уже об общих соображениях, аргументация автора далеко неудовлетворительна и с фактической стороны; Баумгертель исходит только из музейных материалов и, не учитывая результатов новейших раскопок, вступает в противоречие с данными полевых исследователей, как, например, Гуссейна¹, который указывает, что среди памятников Негады встречаются и микролитические орудия капсийского типа. Следовательно, заключение Баумгертель о резком разрыве между культурой палеолита и неолита неверно и с фактической стороны.

Столь же мало обосновано и утверждение Баумгертель о коренном отличии культуры Негады I от культуры Негады II, которая якобы была принесена в Египет из Азии: «... народ Негады II с самого начала, — заявляет автор, — имел цивилизацию, столь отличную от цивилизации Негады I, что первая никоим образом не могла развиться в Египте из второй ... их расписная керамика и техника выработки орудий из отщепов кремня указывают на Азию» (стр. 49).

Здесь прежде всего неверно утверждение Баумгертель о коренном отличии культуры Негады I от Негады II. В качестве главного аргумента в пользу этого мнения она выдвигает тезис о коренном различии между этими двумя культурами в технике обработки кремня: в то время как в Негаде I якобы безраздельно господствовала техника двусторонней оббивки (*bifacial industry*), в Негаде II, по мнению автора,

¹ S. A. H u z a y u i n, *The Place of Egypt in Prehistory*, «Mémoires présentés à l'Institut d'Égypte», т. 43 (1941).

преобладала техника отщепов (blade industry). Однако это положение явно противоречит фактам: на самом деле орудия, изготовленные из отщепов, были широко распространены и в период Негады I, что хорошо известно и самому автору, который, однако, голословно заявляет, что характерные для Негады I наконечники копий и кинжалы, изготовленные из пластин (blades), «не могут считаться сделанными на месте» (стр. 28). Факт же сосуществования обоих видов кремневых орудий в период Негады II признает и сама Баумгертель (стр. 39).

Весьма сомнительна и предлагаемая автором новая датировка культуры северного Фаюма и Меримде-Бени Саламе. Ее утверждение о сходстве кремневых орудий из Фаюма и Меримде-Бени Саламе с аналогичными орудиями Негады II основано только на ее же собственных наблюдениях над старыми музейными материалами и недоступно для проверки. Между тем по этому вопросу среди археологов широко распространено иное мнение: Менгин считает, что орудия из Меримде сходны с позднекапсийскими, а Юнкер также указывает на полное сходство наконечников стрел из Меримде с наконечниками из Бадари. Что касается техники отщепов, которая, по утверждению Баумгертель, преобладает в Меримде, как и в Негаде II, то не следует забывать, что данная техника характерна еще и для позднекапсийской культуры; вопрос о различии или сходстве следует решать не по одному формально и изолированно взятому признаку, а по всей совокупности особенностей орудий: их форме, назначению, размерам и технике обработки. Против точки зрения автора говорят и новейшие данные археологии Нубии, приводимые одним из английских рецензентов книги Баумгертель — А. J. Arkell'ом, который обнаружил в Судане культуру, сходную по керамике с бадарийской, а по кремневой индустрии — с позднекапсийской (орудия из отщепов)¹. Таким образом, указанная культура характеризуется одновременным сосуществованием памятников бадарийского и позднекапсийского типа. Тем самым опровергается утверждение Баумгертель о резком разрыве между культурой палеолитической (с техникой отщепов) и неолитической (с техникой двусторонней оббивки).

Более детальной аргументации тезиса об азиатском происхождении культуры Негады II и попыткам найти «прародину» этой культуры посвящена вторая часть рецензируемой книги. Здесь автор тщетно пытается доказать, что предки жителей династического Египта, создатели культуры Негады II, вышли из Азии, проникли через Красное море близ Вади-Хаммамата в долину Нила и принесли с собой новую технику обработки кремня, новые типы расписных сосудов и обработку меди и серебра. Эту гипотезу, кстати сказать, далеко не новую² и отвергаемую даже большинством буржуазных исследователей XX в.³, автор пытается аргументировать детальным сопоставлением мотивов росписи на сосудах Негады II с сосудами, найденными в Иране и Месопотамии. Аргументация эта совершенно неубедительна. Ведь сама Баумгертель вынуждена признать, что «сырье и способ расписывания сосудов являются местными, египетскими» (стр. 52), что изображения людей и животных на керамике Негады II совершенно оригинальны (стр. 71), что почти все прежние исследователи единодушно считали египетские сосуды резко отличными от азиатских. В качестве главного аргумента в пользу своей точки зрения Баумгертель выдвигает тот факт, что как на египетских, так и на азиатских сосудах этого времени встречается геометрический орнамент. Однако общеизвестно, что геометрический орнамент свойственен многим первобытным народам, достигшим аналогичной ступени исторического развития. На это, между прочим, указывает и Э. А. Шпейзер в своей работе «Начало месопотамской

¹ «Antiquity», № 83 (1947), стр. 167.

² В начале XX в. ее выдвинул Фл. Питри (Fl. Petrie, A History of Egypt, I, 1903, стр. 4).

³ Так, например, Э. Смит, Х. Холл А. Морэ и Г. Юнкер считают культуру Негады совершенно автохтонной, и даже такой ярый сторонник миграционизма, как учитель Баумгертель А. Шарф считает, что при всех «культурных взаимозависимостях» египетская культура «в своих основных качествах была чисто автохтонной».

цивилизации»¹, мнение которого приводит и сама Баумгертель. Против мнимого сходства расписной керамики древнейшего Египта с керамикой Передней Азии категорически выступают и Юнкер и Холл².

Столь же неубедительны и дополнительные аргументы, приводимые Баумгертель. Так, например, она усматривает «азиатское влияние» в том, что первоначально египтяне изображали воду вертикальными зигзагами и лишь позже стали изображать ее зигзагами горизонтальными (стр. 60—72), но, разумеется, это не является доказательством, так как во всех иероглифических системах, в том числе и в китайской, вода изображается различными зигзагами. Еще менее убедительны приводимые в ее книге параллельные изображения росписей сосудов из Негады, Джемдет-Наср, Суз и Персеполья: в лучшем случае они могут свидетельствовать только о самом общем сходстве, обусловленном одинаковым общественно-экономическим и культурным уровнем. Примеры подобного же сходства можно найти с равным успехом и при сравнении египетских или месопотамских сосудов с керамикой первобытных народов других стран, например, Сибири³.

Столь же бездоказательно и другое утверждение автора, что культура Негады I находилась под влиянием Ирана, а Негады II — под влиянием народа, создавшего культуру Джемдет-Наср.

Таким образом, попытка автора возродить гипотезу об азиатском происхождении египтян лишена сколько бы то ни было серьезного значения. Автор совершенно не задумывается над тем, каким же образом возникают новые культурные достижения, если все их считать привнесенными извне. Откуда, например, эти фантастические предки египтян и шумеров на Иранском плоскогории заимствовали свою технику обработки кремня и металлов, скотоводство, технику росписи сосудов? Все эти вопросы автором даже не ставятся.

Методологическая несостоятельность этой типичной для современной буржуазной науки книги сказывается и в отдельных частных положениях автора. Не признавая принципиального отличия первобытного общества от общества классового, автор, например, считает, что «город», открытый в Негаде, был столицей Египта уже в период неолита (!) (стр. 1), и постулирует существование в Верхнем Египте монархического государства уже в период Негады I (стр. 44). Модернизаторские тенденции автора сказываются и в преувеличении объема и значения торговли в первобытном Египте «Мы едва ли можем сомневаться в том, что кремневые орудия Негады II продавались по всему Египту...» (стр. 17).

Оценивая книгу Баумгертель в целом, следует сказать, что методологическое бессилие автора делает бесполезным весь ее кропотливый труд.

Н. М. Постовская

Н. VAN EFFENTERRE, La Crète et le monde grec de Platon à Polybe. P., 1948, 337 стр.

После второй мировой войны с особенной четкостью проявляется регресс буржуазной науки, отражающей общий кризис капиталистической системы. Изучение истории античных рабовладельческих обществ находится сейчас на более низком уровне, чем 30—40 лет назад. Буржуазные ученые начала XX столетия, несмотря на то, что они стояли на реакционных позициях циклизма, все же неоднократно выдвигали проблемы социальной истории, указывали на наличие острых про-

¹ «Antiquity», № 15 (1941), стр. 166.

² Н. Н а l l, The Ancient History of the Near East, изд. 8-е, 1932, стр. 91.

³ См. С. В. К и с е л е в, Древняя история южной Сибири, М., 1949, табл. VIII, рис. 6—16 и табл. X, рис. 6—12.